

УДК 341.34

В. Н. Русинова

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СВОБОДЫ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ
РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Предпринимается попытка сквозь призму решений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации, проанализировать наиболее актуальные проблемы соблюдения права на свободу и неприкосновенность личности, предусмотренного ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и предложить некоторые пути их решения.

The article analyses the acute problems of the observance of rights to personal liberty and immunity, provided by the Article 5 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the light of the decisions of the European Court of Human Rights in respect of the Russian Federation.

Ключевые слова: свобода и неприкосновенность личности, арест, задержание, Европейский суд по правам человека.

Keywords: personal liberty and immunity, arrest, detention, the European Court of Human Rights.

По состоянию на начало 2009 г. Европейским судом по правам человека вынесено 156 постановлений по делам против Российской Федерации, в которых было установлено нарушение ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1] (далее – Конвенция), закрепляющей право на свободу и неприкосновенность личности [20]. Большинство российских дел, по которым этот международный суд пришел к такому выводу, можно назвать «клонowymi», и они были связаны с практикой незаконных задержаний по уголовным делам, с нарушениями при принудительной госпитализации душевнобольных, с нарушением прав при выдаче или высылке иностранных граждан, а также с превышением разумного срока содержания под стражей во время предварительного следствия и неиспользованием иных мер принуждения, помимо заключения под стражу. В настоящей статье предпринимается попытка сквозь призму решений Европейского суда по правам человека осветить наиболее острые проблемы, связанные с обеспечением права на свободу и неприкосновенность личности, а также наметить возможные пути их решения.

1. «Законность»* лишения свободы

* Здесь и далее «законность» и «закон» трактуются как автономные понятия в смысле, придаваемом им Европейским судом по правам человека.

Проблемы «законности» лишения свободы, выявленные Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации, можно разделить на две группы. Первую составляют случаи несоблюдения норм российского права. Соответственно факт принятия постановлений по этим делам Европейским судом по правам человека демонстрирует, что проблема обеспечения свободы и неприкосновенности личности состоит в том, что нарушение норм российского права не было или (в силу отсутствия эффективных средств правовой защиты) не могло быть остановлено и исправлено на внутригосударственном уровне. Требуя обеспечить законность лишения свободы, Конвенция, по сути, прямо отсылает к национальному праву, устанавливая в п. 1 ст. 5 необходимость соответствия порядка лишения свободы «закону». Поэтому Европейский суд должен выполнить не совсем свойственную ему функцию и, подобно высшей судебной инстанции, проверить, соблюдено ли национальными властями внутреннее право [7].

В рамках такой проверки Европейский суд по правам человека, рассматривая российские дела, выявил целую серию типичных случаев несоблюдения норм национального процессуального права. Среди них надлежит в первую очередь назвать неоформление произведенного задержания [5]. Следует отметить, что и после вступления в силу нового УПК РФ [3] подобные нарушения не прекратились [11]. Понятно, что борьба с этим негативным явлением должна вестись за счет повышения компетентности и дисциплинированности сотрудников правоохранительных органов, в том числе и с применением средств дисциплинарного воздействия. Другой проблемой, о которой свидетельствуют решения Европейского суда, является непринятие решений о продлении срока заключения под стражу, в то время как человек продолжает содержаться под стражей.

Показательно в этой связи дело *«Шухардин против России»*. Шухардин был задержан 8 марта 1999 г. по подозрению в совершении мошенничества, и срок его содержания под стражей неоднократно продлевался вплоть до 8 сентября 2000 г., когда должен был истечь предельный 18-месячный срок содержания под стражей; 23 августа 2000 г. председатель Омского областного суда удовлетворил ходатайство прокурора и продлил срок содержания заявителя под стражей на 6 месяцев (оформив это записью на уголке ходатайства прокурора). Верховный суд Российской Федерации 22 ноября 2000 г. отменил это постановление и определил пересмотреть вопрос о содержании заявителя под стражей, указав, что мера пресечения в отношении заявителя «должна быть оставлена без изменения», но не конкретизировав при этом основания для продления срока содержания под стражей. Омский областной суд 19 января 2001 г. пересмотрел вопрос о применении меры пресечения и вынес решение о продлении срока содержания заявителя под стражей с 8 сентября 2000 г. до 8 марта 2001 г.

Рассматривая это дело, Европейский суд по правам человека установил нарушение принципа «законности» заключения под стражу сразу по нескольким основаниям. Во-первых, указал Суд, отсутствие в решениях судебных властей, санкционирующих содержание под стражей на протяжении длительного времени, каких-либо оснований таких ре-

шений несовместимо с принципом защиты от произвола, закрепленным в п. 1 ст. 5 Конвенции. Во-вторых, суд кассационной инстанции своим решением от 19 января 2001 г. (которое, кстати, было оставлено без изменения 3 мая 2001 г. Верховным судом РФ), по сути, санкционировал содержание заявителя под стражей с 8 сентября 2000 г. по 19 января 2001 г. *post factum*, что было явно несовместимо с нормами действовавшего УПК РФ, а следовательно, и с требованием Конвенции о соблюдении «законности» [17].

Нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции признаются Европейским судом и имевшие место задержки с освобождением лица из-под стражи. Обратимся к уже упомянутому делу «Шухардин против России»: 17 апреля 2003 г. Верховный суд РФ санкционировал освобождение заявителя из-под стражи под подписку о невыезде, но Шухардин был освобожден только 21 апреля 2003 г. в связи с тем, что курьеру понадобилось несколько дней на доставку копии решения в г. Омск, где заявитель содержался под стражей. С одной стороны, понятно, что задержка была обусловлена необходимостью исключить возможность подделки решения суда, однако, с другой стороны, нельзя упускать из вида значимость самого права на свободу личности. Отсюда, по мнению Европейского суда по правам человека, следует, что «административные формальности, связанные с освобождением лица из-под стражи, не могут оправдывать задержку на срок более нескольких часов» [17]. Для того чтобы не повторять подобные задержки с освобождением из-под стражи, необходимо продумать пути использования современных средств связи, которые позволили бы осуществлять передачу копий судебных решений в более короткие сроки. К примеру, можно было бы задействовать ГАС «Правосудие», которая внедрена к использованию во всех судах общей юрисдикции.

Вторую группу нарушения «законности» порядка заключения под стражу составляют ситуации, когда нормы национального законодательства были применены правильно, но проблема состоит в том, что сами нормы или их интерпретация противоречат целям как ст. 5, так и Конвенции в целом. Например, не соответствующей принципам правовой определенности и защиты личности от произвола, а следовательно, нарушающей п. 1 ст. 5 Конвенции была признана Судом практика содержания под стражей на основании только того факта, что уголовное дело с обвинительным заключением направлено в суд. К примеру, из жалобы *Белевицкого* в Европейский суд следует, что 12 декабря 2000 г. истек первоначальный двухмесячный срок содержания заявителя под стражей и что после этой даты до 11 января 2001 г. заявитель содержался под стражей на основании только того факта, что его уголовное дело было передано в соответствующий суд для рассмотрения по существу [5]. Такое положение недопустимо, так как в течение этого времени заключенный пребывает в правовом вакууме.

Проблема была выявлена и в связи с возможностью продлить срок содержания под стражей в целях ознакомления обвиняемого с делом. Значение этой логичной, на первый взгляд, нормы может быть выхо-

лощено вследствие некорректной интерпретации судом. Это имеет место в том случае, если суд продлевает срок содержания под стражей, несмотря на заявление обвиняемого о том, что он уже ознакомился с материалами дела и отказывается от предоставления дополнительного времени. Тем самым, по мнению Европейского суда, заявитель лишается права самостоятельно решать, завершено ли ознакомление с делом и готов ли он перейти к рассмотрению дела судом [17]. В действующем УПК РФ такая возможность продления срока содержания под стражей предусмотрена в п. 1 ч. 8 ст. 109 и, учитывая практику Европейского суда по правам человека, судам общей юрисдикции важно обеспечить надлежащее толкование этой нормы.

Другой пример нарушения принципа защиты личности от произвола можно найти, проанализировав постановление Европейского суда по правам человека по делу «*Менешева против России*». Предметом рассмотрения Европейским судом по данному делу было, в числе прочего, и помещение заявительницы под административный арест на 5 суток за оказание сопротивления сотрудникам милиции. В своей жалобе в Европейский суд по правам человека Менешева ссылалась на то, что ее помещение под административный арест являлось незаконным.

Как выяснил Европейский суд, заявительница была подвергнута наказанию за сопротивление сотрудникам милиции, которые, в свою очередь, действовали незаконно, не оформив ее задержания и применив к ней меры физического воздействия. Суд отметил, что с процессуальной точки зрения административный арест был наложен и исполнен в соответствии с процессуальными нормами национального права, а оценка правильности такого решения по существу не подпадает под компетенцию Европейского суда по правам человека. Однако, учитывая обстоятельства данного дела, Европейский суд по правам человека счел, что решение судьи о применении административного наказания было несовместимо с общей защитой от произвола, гарантированной ст. 5 Конвенции [11].

2. Недобровольная госпитализация душевнобольных

В ряде постановлений Европейский суд по правам человека пришел к выводу о несоблюдении установленной в российском законодательстве процедуры помещения душевнобольных в стационар. Как правило, это касалось нарушения сроков рассмотрения заявлений о недобровольной госпитализации лица [12].

К примеру, в вынесенном в 2008 г. решении по делу «*Шулепова (Shulerova) против России*» [16] Ленинградский районный суд Калининградской области принял решение отложить рассмотрение заявления о недобровольной госпитализации, ссылаясь на то, что Шулепова находилась в таком состоянии, которое не позволяло ей назначить представителя. Это решение было принято 16 февраля, и в нем же указывалось на то, что, пока не будет проведено судебное заседание, пациентка должна оставаться в стационаре.

Европейский суд по правам человека счел, что это является нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции, причем сразу по нескольким основаниям. Вопреки требованиям ст. 33 Закона об оказании психиатрической помощи, в котором указывается на то, что, принимая заявление о принудительной госпитализации, судья одновременно должен давать санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде, районный суд санкционировал применение этой меры через 4 дня после того, как такое заявление поступило. Кроме того, по смыслу Закона о психиатрической помощи, эта санкция должна быть временной, так как для рассмотрения дела суду дается пять дней, отсчитываемых с момента принятия заявления, а в рассматриваемом деле призванная быть временной санкция растянулась вплоть до 26 марта, когда Шулепова согласилась на лечение. Таким образом, по истечении 5-дневного срока задержание заявительницы перестало быть правомерным. Отметим, что откладывание слушания дела на том основании, что заявительница не могла избрать представителя, не соответствовало положениям Закона о психиатрической помощи, в п. 2 ст. 34 которого указывается, что если психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в помещении суда, то заявление о госпитализации рассматривается судьей в психиатрическом учреждении [4].

Соответствие порядка помещения в психиатрический стационар лиц, признанных недееспособными, положениям ст. 5 Конвенции было рассмотрено Европейским судом по правам человека на основе жалобы *Штукатурова*. В соответствии с п. 4 ст. 28 Закона о психиатрической помощи лицо, признанное в установленном законом порядке недееспособным, помещается в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его законного представителя. При соблюдении этого условия такая госпитализация признается добровольной, и закон не устанавливает какие-либо гарантии проверки обоснованности помещения лица в стационар. Европейский суд по правам человека усмотрел в таком подходе законодателя к урегулированию этого вопроса отсутствие гарантий от произвольного лишения свободы, в связи с тем, что помещение в стационар и пребывание заявителя в нем не сопровождались освидетельствованием врачей-специалистов [15], равно как и осуществлением судебной проверки. В итоге Европейским судом было установлено нарушение п. п. 1 и 4 ст. 5 Конвенции, что, несомненно, должно послужить для законодателей поводом для внесения изменений в законодательство об оказании психиатрической помощи.

3. Заключение под стражу в целях последующей экстрадиции

В течение последних лет Европейский суд по правам человека последовательно признает нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод по целому ряду жалоб против Российской Федерации, связанных с содержанием под стражей лиц, ожидающих экстрадиции. Большинство выявленных проблем связано с неопределенно-

стью нормативно-правовой базы, нормами которой регулируется срок предэкстрадиционного содержания под стражей, что трактуется Европейским судом как нарушение принципа правовой определенности и п. 1 ст. 5 Конвенции.

На практике установление нормативно-правового акта, нормами которого необходимо руководствоваться при определении срока содержания под стражей заключенных, ожидающих выдачи, вызвало массу проблем. Связано это было с тем, что никаких норм, которые предусматривали бы предельный срок пребывания под стражей в том случае, когда требование о выдаче получено вовремя, Конвенция СНГ о правовой помощи 1993 г. [2] не содержит. Поэтому, задерживая лиц на основании ходатайств или требований о выдаче, поступивших от государств-участников этой конвенции, правоприменители, руководствуясь принципом верховенства норм международного договора над национальным законодательством и презюмируя самодостаточность правового режима Конвенции о правовой помощи, к нормам российского права не обращались. Что касается УПК РФ, то гл. 54, регулирующая отношения по выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, помимо общей нормы о необходимости произвести выдачу в течение 15 суток со дня, установленного для передачи, не указывает пределов нахождения лица под стражей до выдачи, оставляя открытым вопрос о длительности временно го промежутка между получением требования о выдаче и согласованной государствами датой выдачи. При этом важно отметить, что позиция Верховного суда РФ состояла в том, что общие положения УПК РФ о применении мер пресечения, содержащиеся в гл. 13, не распространяются на лиц, совершивших преступление не на территории России, а значит, неприменимы к предэкстрадиционному содержанию под стражей.

Именно поэтому российские правоприменительные органы исходили из того, что предельные сроки предэкстрадиционного содержания под стражей не установлены. Вместе с тем сама Конвенция 1993 г. предусматривает, что при оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. При этом с толкованием сферы применения гл. 13 УПК РФ, которое дал Верховный суд РФ, нельзя согласиться, поскольку эта глава содержится в ч. I кодекса и относится к общим положениям, применимым ко всем последующим частям УПК РФ, а значит, и к выдаче лиц иностранным государствам. Именно к такому выводу о том, что при определении сроков предэкстрадиционного содержания под стражей должны использоваться положения ч. I УПК РФ, а срок в 40 дней, установленный Минской конвенцией, является лишь дополнительной гарантией для лиц, задержанных с целью последующей выдачи, пришел еще в 2006 г. Конституционный суд РФ [18]. Однако, как показывает практика Европейского суда по правам человека, к примеру постановление по делу *Худяковой*, вынесенное 8 января 2009 г., правоприменители не в полной мере следуют правовой позиции, изложенной Конституционным судом РФ в определении по жалобе *Насруллоева* [14]. Поэтому, учитывая то,

что в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора РФ об официальном разьяснении упомянутого определения Конституционный суд отказал [19], представляется необходимым вынесение Пленумом Верховного суда РФ постановления, которое содержало бы учитывающие решение Конституционного суда разьяснения о порядке применения норм гл. 13 УПК РФ к случаям заключения под стражу лиц для их последующей выдачи.

4. Освобождение до суда и разумный срок судебного разбирательства

При рассмотрении срока содержания под стражей Европейский суд принимает во внимание период, который начинается с момента помещения обвиняемого под стражу и завершается днем постановления приговора, хотя бы только судом первой инстанции [5]. Практика Европейского суда показывает, что для признания этого требования Конвенции нарушенным иногда бывает достаточно содержания под стражей в течение одного года, как, например, в делах *Мамедовой* [10] и *Долговой* [8]. Европейский суд постоянно указывает на то, что «любая система обязательного содержания под стражей до суда сама по себе противоречит требованиям п. 3 ст. 5 Конвенции, и следовательно, национальные власти обязаны установить и продемонстрировать существование конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения свободы личности» [13]. К сожалению, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, приходится констатировать, что проблема чрезмерности сроков пребывания под стражей до сих пор не решена.

В равной степени это относится и к реализации права на освобождение до суда, предусмотренного п. 3 ст. 5 Конвенции. Как известно, Европейский суд по правам человека в своих решениях вывел четыре основания, по которым возможен отказ в освобождении из-под стражи до суда: это опасность побега; угроза создания помех при проведении уголовного процесса; предотвращение совершения подозреваемым новых преступлений и необходимость защиты публичного порядка — и постоянно указывает на то, что сама по себе серьезность преступления не является достаточным основанием для того, чтобы продлить время заключения под стражей [9]. Схожие основания закреплены и в УПК РФ, однако, как показывают многочисленные решения Европейского суда по правам человека, в которых признается нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции, правоприменительная практика в Российской Федерации до сих пор идет по пути применения самой строгой меры пресечения к подозреваемым и обвиняемым, что прямо или косвенно обосновывается тяжестью совершенных деяний, а не конкретными обстоятельствами, которые обосновывали бы опасения того, что задержанный скроется, будет препятствовать проведению расследования или совершит новые преступления. В то время как Европейский суд по правам человека из дела в дело повторяет, что с течением времени подозрение в том, что задержанный действительно совершил преступление, перестает быть достаточным основанием для продления содержания под стражей до вынесения приговора по делу [6]. Представляется, что ситуация будет

переломлена только тогда, когда суды общей юрисдикции перестанут мириться с недостатками работы органов следствия и прокуратуры и начнут выносить решения о применении мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

В данной статье были приведены далеко не все нарушения ст. 5 Конвенции, установленные Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации. Между тем даже ограниченный объем приведенных примеров свидетельствует: вопреки мнению некоторых противников Страсбургского суда о том, что Запад пытается навязать нам чуждые стандарты защиты прав человека и решения этого суда политически мотивированы, половина решений, в которых было установлено нарушение права на свободу и неприкосновенность личности, были связаны с несоблюдением норм российского законодательства. При этом Европейский суд приступает к проверке того, соблюдено ли внутригосударственное право в конкретном деле, только в том случае, если эти нормы соответствуют букве и духу самой Конвенции. Значит, вряд ли можно утверждать, что критика Европейского суда по правам человека в адрес России огульна. Несомненно, некоторые нормы российского законодательства подлежат корректировке, но как только правоприменители начнут безукоризненно реализовывать нормы УПК РФ и бескомпромиссно исправлять допущенные ошибки в рамках нашей судебной системы, многие нарушения ст. 5 Конвенции останутся историческими примерами «клоновых» дел против Российской Федерации.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. (с изм. от 28.03.1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. 2001. № 249.
4. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 02.07.1992 г. № 3185-1 (с изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.
5. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Белевицкий (Belevitskiy) против России» (жалоба № 72967/01) от 1.03.2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>
6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «В (W.) против Швейцарии» (жалоба № 14379/88) от 26.01.1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>
7. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов» (жалоба №6301/73) от 24.10.1979 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>
8. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Долгова (Dolgova) против России» (жалоба №11886/05) от 2.03.2006 г. (фин. 3 июля 2006 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

9. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Летелье (Leteiller) против Франции» (жалоба № 12369/86) от 26.06.1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

10. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Мамедова (Mamedova) против России» (жалоба № 7064/05) от 1.06.2006 г. (фин. 23 октября 2006 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

11. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Менешева (Menesheva) против России» (жалоба № 59261/00) от 9.03.2006 г. (фин. 9 июня 2006 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

12. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Ракевич (Rakevich) против России» (жалоба № 58973/00) от 28.10.2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

13. *Постановление* Европейского суда по делу «Рохлина против Российской Федерации» (жалоба № 54071/98) от 7.04.2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

14. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Худякова (Khudyakova) против России» (жалоба № 13476/04) от 8.01.2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

15. *Постановление* Европейского суда по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против России» (жалоба № 44009/05) от 27.03.2008 г. (фин. 27 июня 2008 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

16. *Постановление* Европейского суда по правам человека по делу «Шулерова (Shulerova) против России» (жалоба № 34449/03) от 11.12.2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

17. *Постановление* Европейского суда по делу «Шухардин (Shukhardin) против России» (жалоба № 65734/01) от 28.06.2007 г. (фин. 28 сентября 2007 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

18. Определение Конституционного суда РФ от 4.04.2006 г. № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2006. № 4.

19. Определение Конституционного суда РФ от 11.07.2006 г. № 158-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного суда Российской Федерации от 4.04.2006 г. № 101-О». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

20. Европейский суд по правам человека: годовой отчет (2008). [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/B680E717-1A81-4408-BFBC-4F480BDD0628/0/Annual_Report_2008_Provisional_Edition.pdf

Научная публикация подготовлены в рамках внутреннего гранта РГУ им. И. Канта № 02-002-09-М.

Об авторе

В.Н. Русинова — канд. юр. наук, доц., РГУ им. И. Канта; e-mail: Verarusinova@gmail.com

Author

В.Н. Русинова

V. Rusinova – Associate Professor, Lecturer, IKSUR; e-mail: Verarusinova@gmail.com